

Т.Н. Пустовит

**Гоголевский взгляд на историю
и современная историческая проза
(на материале произведений Д. Балашова)**

Русской литературе, начиная с выдающегося памятника Киевской Руси “Слово о полку Игоревом”, изначально было присуще осознание исторической памяти как нравственной категории, обращение к истории как сокровищнице неисчерпаемого национального опыта.

Значение для человечества высокого нравственного фактора исторической памяти осознавали и лучшие писатели XIX века.

“Уважение к минувшему, – писал А. Пушкин, – вот черта, отличающая образованность от дикости...” [1, с. 165].

Прошлое России на протяжении всей жизни волновало Ф. Достоевского, который призывал широко популяризировать отечественную историю, преодолеть негативное отношение к ней определенной части интеллигенции. “Надо возродить впечатление великих событий в нашем интеллигентском обществе, забывшем нашу историю”, – говорил писатель в письме О. Миллеру [2, с. 197].

Свою концепцию истории создает Л. Толстой: истории-науке, оперирующей набором “басен и бесполезных мелочей”, он противопоставляет историю-искусство, основанную на философском изучении законов истории средствами художественного творчества, имея в виду, что целью историка должно быть не простое коллекционирование и упорядочение исторических фактов, но их осмысление, их анализ, что умение воссоздать месяц жизни обычного человека даст людям более точное понятие о сущности исторического периода и о духе времени, чем труды ученых-историков, знающих наизусть все имена и даты. При всей новизне формулировки понятия “история-искусство” позиция Л. Толстого органична и традиционна для русской литературы. Достаточно вспомнить, что первый значительный исторический труд “История Государства Российского” создан писателем Н.М. Карамзиным. Исторические, историко-поэтические и художественные произведения А.Пушкина открыли возможность нового понимания и толкования истории. “Тарас Бульба” Н.В. Гоголя – поэтическая картина и художественный анализ одной из важнейших эпох в истории Украины.

Н.В. Гоголь много размышлял об исторических судьбах России и Украины, справедливо считая, что прошлое теснейшим образом связано с современностью. В письме поэту Н. Языкову он писал: “Бей в прошедшем настоящее, и тройною силой облечется твое слово” [3, с. 421].

Исторические воззрения классиков русской литературы на историю нашли дальнейшее развитие в современной исторической романистике.

Цель настоящей работы – проследить развитие гоголевских взглядов на историю в творчестве современного российского писателя Д. Балашова, автора ряда произведений на историческую тематику, среди которых особое место в русской исторической романистике занимает цикл романов “Государи Московские”, посвященный становлению и укреплению Московского княжества в XIII-XIV веках. В данном аспекте произведения Д.Балашова рассматриваются впервые, и в представленной статье только намечены основные направления дальнейших исследований творчества писателя в рамках вопроса традиций и новаторства в

современной исторической романистике.

В произведениях Д.Балашова осуществляется новый подход к анализу исторических событий и к оценке деятельности князей периода объединения удельных княжеств северо-восточной Руси в единое государство, сочетается эстетическая поэтичность изобразительно-выразительных средств, эпическая масштабность, глубина психологического проникновения во внутренний мир персонажей, стремление осмыслить вечные нравственно-философские проблемы.

Цикл “Государи Московские” – это повествование о потомках Александра Невского с того времени, когда его младший сын Даниил получил в наследство маленький, затерянный в лесах городок – Москву, и до того момента, когда Русь Московская утвердилась как государство нового типа. Семь романов – “Младший сын”, “Великий стол”, “Бремя власти”, “Симеон Гордый”, “Ветер времени”, “Отречение”, “Святая Русь” – представляют собой захватывающую хроническую широчайшего эпического размаха, на страницах которой перед читателем предстают сотни действующих лиц.

Одной из самых сложных проблем, которые затронул Д. Балашов в “Государи Московские”, является проблема взаимоотношений Руси и Золотой Орды.

На характер этих взаимоотношений существуют две диаметрально противоположные точки зрения. “Официальной” исторической наукой русско-ордынские отношения определяются однозначно: Русь более двухсот лет находилась под игом татаро-монгольских захватчиков. Представители же евразийской исторической школы отрицали существование татарского ига, рассматривая отношения Руси и Орды как взаимовыгодные. И хотя само евразийство исчерпало себя к концу двадцатых годов, его идеи и в наше время находят своих сторонников. Например, известный историк и этнолог Л. Гумилев также утверждает, что татаро-монгольского ига не было, а был заключен взаимовыгодный союз между князьями Северо-Восточной Руси и Золотой Ордой.

Д. Балашов называет Л. Гумилева своим учителем и к анализу исторических событий подходит с точки зрения пассионарной теории этногенеза, созданной Л.Гумилевым. Соглашается писатель и со взглядами историка на отношения Владимирской Руси с Золотой Ордой, т. е. рассматривает их как военно-политический союз. Однако, располагая многочисленными данными летописных, а также актовых, фольклорных, археологических материалов, которые игнорируются “евразийцами”, Д. Балашов не может согласиться с этой теорией безоговорочно. Точка зрения писателя двойственна. В прологе романа “Младший сын” он пишет, что Александр Невский “с сыном Батыевым, Сартаком, заключил братский союз” [4, с. 26], в романе “Великий стол” говорит, что в условиях потенциальной агрессии католического Запада, сопровождавшейся уничтожением русской национальной культуры, “Русь могла рассчитывать лишь на свои силы – и на помощь Орды” [5, с. 26], и одновременно создает картину страшного бедствия, обрушившегося на Русь: “После уж, когда великому князю пришлось ехать в Орду на поклон, а за ним потянулись и прочие князья получать свои уделы из рук татарских, горькая правда стала явью. Начался долгий (и еще не верили, что долгий!) плен Золотой Руси” [6, с. 56], подчеркнуто нами – Т.П.].

Много размышлял о путях складывания древнерусской народности, о последствиях татарского нашествия и Н.В. Гоголь. Он не сомневался, что татарское нашествие – “страшное событие, которое наложило на Россию двухвековое рабство и

скрыло ее от Европы". И в то же время, как впоследствии "евразийцы", задавал вопрос: не было ли татаро-монгольское владычество спасением для Руси, "сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей?" Н.В. Гоголь не дает утвердительного ответа на этот вопрос, отмечая только, что татаро-монгольское вторжение "наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в Южной Руси, которого вся жизнь была борьба" [7, с. 42]. Писатель имеет в виду украинцев.

Писал Н.В. Гоголь также о социально-политическом устройстве Московского княжества XIV века. Свои выводы он делает, опираясь на исторические документы, в частности, на духовную грамоту великого князя Симеона Гордого, которая дает представление о социальной структуре раннего Московского княжества, когда князья (в том числе и великие) напоминали скорее вотчинников, чем государей. В романе "Симеон Гордый" Д. Балашов приводит отрывки из этого документа. Точка зрения современного романиста совпадает с гоголевским видением раннефеодальной Руси: "...по вкусам, взглядам, привычкам, эстетическим устремлениям помещичий класс почти не отличался от крестьян" [8, с. 104].

Подобные взгляды как Н.Гоголя, так и Д.Балашова получили негативную оценку со стороны идеологически запрограммированных критиков. Революционно-демократическая критика в лице В.Белинского резко осудила Н.Гоголя за "дифирамб любовной связи русского народа с его владыками", видя в нем апологетику самодержавия [9, с.461]. В этом случае В.Белинский проявил неисторичность мышления, спроектировав на средневековую Русь современное ему политическое устройство, в то время как на раннем этапе становления русской государственности ни о каком самодержавии не может идти речь. Самодержавие как форма государственного устройства складывается только при Иване III и его преемниках. Исторически выверенным является суждение А. Пушкина по этому вопросу: феодализм (т. е. сепаратистские устремления удельных князей) "развивался во время татар, был подавлен Иоанном III, гоним, истребляем Иоанном IV, стал развиваться во время междуцарствия, постепенно упразднялся искусством Романовых и наконец разом уничтожен Петром и Анною Ивановною!.." [10, с. 22]. Д. Балашова же упрекал в отсутствии классового подхода к изображению Руси XIII – XIV вв. убежденный в правоте марксистской теории В. Юдин в книге "Человек. История. Память", называя взгляд писателя на раннее русское средневековье идилличным и романтически приукрашенным [11, с. 161-162].

Совпадают взгляды Н. Гоголя и Д. Балашова на роль православной церкви в историческом развитии Руси.

Н. Гоголь настаивал на том, что именно православие должно стать основой преобразования русской жизни: "В церкви нашей сохранилось все, что нужно для просыпающегося ныне общества. В ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей... В ней простор не только душе и сердцу человека – но и разуму во всех его верховных силах" [12, с. 123].

Д. Балашов говорит о значении православия для средневекового русского общества и в целом – о значении идеологии для строительства государства. Без этого картина исторического прошлого русского народа не была бы ни верной, ни глубокой, поскольку своеобразие религиозного движения Руси рассматриваемого периода заключалось в почти полном слиянии интересов церкви и государства. В

романах цикла “Государи Московские” духовенство предстает тесно взаимосвязанным со всеми другими сословиями. Уходит в монахи Григорий, братника Федора Михалкича, и становится келарем в Богоявленском монастыре Москвы. Сыновья обедневшего ростовского боярина посвящают себя церкви – это и великий подвижник Земли Русской преподобный Сергий Радонежский, и его брат Стефан, ставший духовником великого князя Владимирского Симеона Гордого. Из московского боярского рода Бяконтов происходит митрополит Алексей, фактически глава московского государства при малолетнем князе Дмитрие Ивановиче (Донском). Д. Балашов прослеживает смену духовной власти на Руси, и занимавшие митрополичий престол Кирилл, Максим, Петр, Феогност и Алексей, по словам И. Гумилева, “пожалуй, принадлежат к числу любимых и наиболее удачно воссозданных автором литературных образов, весьма близких к историческим прототипам по своему поведению” [13, с. 13].

Говоря о том, что Д. Балашов развивает мысли Н.В. Гоголя и других русских писателей об истории России, мы не берем на себя смелость утверждать, что он делает это сознательно. Речь идет о преемственности и дальнейшем развитии передовых исторических воззрений. В письме Д.М. Балашову автором настоящей работы были поставлены вопросы:

“Историки Костомаров и Ключевский зачастую уничижительно говорят о ранних московских (Владимирских) князьях. Вы опровергаете их оценки всем ходом повествования. Сознательно ли Вы полемизируете с ними или опровергаете на суждения самой художественной правдой, не думая о них?”. И второй вопрос: “Оказали ли на Вас определенное воздействие исторические воззрения, скажем, А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского? Ваш взгляд на историю близок к их взглядам”. Писатель ответил: “...С историками я не полемизирую (и вообще ни с кем), я работаю по первоисточникам и мне важна истина, как это было? А не как об этом думают такие-то. То же и с историческими воззрениями Пушкина, Гоголя, Достоевского – частично мне даже и неизвестными. Хотя Гоголь, например, западником не был, да, по сути, и Достоевский с Пушкиным – тоже...” [14].

Во всем мире сейчас необычайно широк интерес к духовному наследию Н.Гоголя, который был среди тех, кто предопределил принципы взаимодействия достоверных и художественных реалий в литературе (в том числе и исторической), которые станут достоянием современных писателей, пишущих о прошлом. Провидчески звучат слова Д. Писарева: “Дорого русскому сердцу имя Гоголя; Гоголь был первым нашим народным, исключительно русским поэтом; никто лучше его не понимал всех оттенков русской жизни и русского характера, никто так поразительно верно не изображал русского общества; лучшие современные деятели нашей литературы могут быть названы последователями Гоголя; на всех их произведениях лежит печать его влияния, следы которого еще долго, вероятно, останутся на русской словесности” [15, с. 517].

Литература

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ, 1950. – Т. 5.
2. Достоевский Ф.М. Письма / Под ред. и с примечаниями А. С. Долинина. – М., 1990. – Т. 4.
3. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. – М.: АН СССР, 1952. – Т. 12.

4. Балашов Д.М. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1.
5. Балашов Д.М. Великий стол: Роман. – Петрозаводск: Карелия. – 1980.
6. Балашов Д.М. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1.
7. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. – М.: АН СССР, 1952. – Т. 8.
8. Балашов Д.М. Эпос и история: К проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью // Русская литература. – 1983. – №4.
9. Вересаев В.В. Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. – Х.: Прапор. – 1990.
10. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М. – Л.: АН СССР, 1949. – Т. 16.
11. Юдин В.А. Человек. История. Память. – М.: Современник, 1990.
12. Гоголь Н.В. Духовная проза. – М., 1992.
13. Балашов Д.М. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1.
14. Письмо Д.М. Балашова автору статьи от 14 апреля 1997 года хранится в нашем архиве.
15. Н.В. Гоголь в русской критике. – М.: ГИХЛ, 1953.